

В сентябре Цзи Мянью завершил все формальности и вернулся к учебе в Хуайянской средней школе, поступив в одиннадцатый класс — именно тот год, на котором когда-то оборвался путь первоначального владельца тела. Как они и договаривались, каждые выходные Дуань Чжо приезжал к воротам школы, чтобы забрать его домой.

Бывшие одноклассники юноши еще несколько месяцев назад отпраздновали выпускной и разлетелись по университетам, так что в школе не осталось никого, кто знал бы его раньше. Это принесло Цзи Мянью немалое облегчение. В конце концов, его характер слишком отличался от оригинала, и разоблачение могло стать серьезной проблемой.

Ему уже исполнилось восемнадцать, в то время как большинству новых соучеников едва стукнуло шестнадцать. Поначалу Цзи Мянью опасался, что между ними ляжет пропасть и общих тем для разговоров не найдется, однако этот «возрастной» кандидат неожиданно стал в классе всеобщим любимцем.

Секрет успеха оказался прост: парень был чертовски хорош собой, обладал мягким нравом и — что немаловажно — демонстрировал просто катастрофическую неуспеваемость.

Действительно, Цзи Мянью, чей багаж знаний всё еще ограничивался программой средней школы, раз за разом оказывался в самом хвосте рейтинга. В начале семестра учителя проявляли к нему повышенное внимание, то и дело вызывая к доске. Каждый раз он поднимался, что-то мямлил, не в силах дать вразумительный ответ, и неизменно становился поводом для добродушных шуток. Так постепенно его роль в коллективе определилась сама собой: он стал кем-то вроде живого талисмана и главного поставщика хорошего настроения.

Спустя два месяца после начала занятий прошли промежуточные экзамены. Кое-как справившись с тестами — где-то полагаясь на логику, а где-то на чистое везение, — Цзи Мянью еще два мучительных дня дожидался результатов. Когда наступили выходные, его наконец забрали домой вместе с позорной ведомостью и ворохом тетрадей, пестревших красными исправлениями.

Он спрятал табель поглубже в рюкзак, не решаясь показать его Дуань Чжо. Однако юноша совсем забыл, что наставник, как его законный опекун, давно состоял в родительском чате. А некоторые родители в этом чате обладали поистине неисчерпаемым талантом «подставлять» своих чад: сообщения о результатах экзаменов сыпались одно за другим.

«Математика у Ван такого-то в этот раз заметно лучше, спасибо учителю Ли за старания!» — подобные восторги шли сплошным потоком.

Дуань Чжо, расположившись в шезлонге, какое-то время листал ленту в телефоне. Он сидел прямо, не откидываясь на спинку.

— Результаты пришли? — Дуань Чжо поманил его пальцем.

Лицо его оставалось бесстрастным, а поза пугающе напоминала сурового отца, который после экзаменов ледяным тоном требует дневник. В этот момент Цзи Мяню и впрямь захотелось окликнуть его «папой», но, встретившись взглядом с молодым и красивым лицом мужчины, он молча проглотил этот порыв. Поджав губы, юноша достал из рюкзака работы и табель, вручив их старшему.

Сунь Ци, который как раз оказался рядом, тут же подскочил поближе, горя желанием поглазеть на зрелище.

— Математика: тридцать два балла, китайский: пятьдесят один... — Дуань Чжо опустил взгляд в ведомость. — Общее место в рейтинге: пятьсот семьдесят девятое. А сколько всего учеников на потоке?

— ...Пятьсот восемьдесят пять, — едва слышно ответил Цзи Мянь.

Сунь Ци, примостившийся на корточках, не выдержал и прыснул:

— Это что же, остальные шестеро просто не явились на экзамен?

— ...

Дуань Чжо сжал в пальцах лист с результатами. Веки его тяжело опустились; в этот миг ему больше всего хотелось просто сказать Цзи Мяню, чтобы тот бросал эту затею. С такими баллами любая учеба — пустая трата времени. Когда сам Дуань Чжо ходил в школу, он никогда не опускался ниже второго места в классе, и в его голове просто не укладывалось, как можно сдать экзамены настолько скверно. Если бы не внезапный уход Дуань Цзиньянь, он бы без труда поступил в лучшую гимназию провинции.

Он видел, что база знаний подопечного была пугающе слабой. Два года пропуска — срок немалый, и без феноменальной усидчивости или врожденного таланта тут было не выкарабкаться. В усидчивости Цзи Мяня он еще мог сомневаться, но вот что касалось таланта... Дуань Чжо бросил взгляд на юношу, который, покраснев до кончиков ушей, покорно ждал нагоняя. Вспомнив те сотни вырезанных картофелин, наставник пришел к выводу: вероятность наличия у этого парня хоть каких-то способностей стремилась к нулю.

Он прикусил фильтр сигареты и мысленно вздохнул.

«Ладно, подождем еще немного. Гнать его из школы всего через два месяца учебы как-то не по-человечески»

Так Цзи Мянь временно избежал кары.

«Ожидание» Дуань Чжо растянулось до самых новогодних праздников. Юноша вернулся на каникулы, привезя с собой результаты за всё первое полугодие. Цифры были предельно ясны: математика — сорок три балла... Общее место в рейтинге — пятьсот семнадцатое. Прогресс намечился, но толку от него было мало.

Огонек сигареты ярко вспыхнул, и вверх поднялось кольцо дыма. Выпустив облако изо рта, Дуань Чжо уже готов был произнести слова разочарования, как вдруг...

— Цзи Мянью! — Му Юймань, наклеивавшая праздничные парные надписи на дверях, заглянула в дом. — Иди помоги мне!

Юноша пару секунд колебался между ожиданием вердикта и помощью сестре Му, но в итоге решил, что праздничные хлопоты важнее.

Наступал Новый год. И это заставило Дуань Чжо прикусить язык, в очередной раз подавив желание заставить Цзи Мянью бросить учебу.

«В такой праздник говорить о подобном — дурная примета. Решим после праздников»

Так прошло еще полгода. Наступило время летних каникул.

В день возвращения Цзи Мянью подвез Сунь Ци. Дуань Чжо как раз взял несколько крупных заказов на резьбу и был по уши в делах, а Сунь Ци вместе с Сюй Сяосяо удачно заглянули в гости, так что миссия по перевозке ученика легла на их плечи.

Стоило Цзи Мянью выйти из машины, как до него донесся знакомый скрежет инструментов — в мастерской вовсю кипела работа. Он поспешно подхватил сумку, бросил рюкзак на шезлонг у входа и шагнул в лавку.

— Брат, давай я помогу, — произнес он, входя внутрь.

Услышав его голос, Дуань Чжо привычно потянулся за инструментом, собираясь передать его помощнику. Но, вскинув голову, он замер. Цзи Мянью стоял перед ним в чистой белой футболке и черных шортах — тех самых, что Дуань Чжо купил ему в прошлом году. За время, проведенное в школе, кожа юноши стала еще белее; казалось, даже случайная щепка могла оставить на ней след.

Мужчина посмотрел на него пару секунд, покрутил в руках резец и положил обратно на верстак.

— Почти закончил. Тут справлюсь сам.

Цзи Мянью взглянул на заготовку: форма была едва намечена, работы оставалось непочатый край. С чего это вдруг он не может помочь? Неужели заказ какой-то особенный?

Вскоре в лавку зашли Сюй Сяосяо и Сунь Ци. Девушка держала спутника под руку; на её правом среднем пальце поблескивало серебряное кольцо. Она с любопытством оглядывала скромную обстановку мастерской. Сяосяо заходила сюда нечасто, обычно только по большим праздникам, и Цзи Мянью, видевший её всего несколько раз, всегда считал эту девушку очень доброй и приветливой.

В помещении в воздухе висела мелкая древесная пыль, и, заметив гостью, Дуань Чжо прекратил работу. Его взгляд на мгновение задержался на кольце Сюй Сяосяо, после чего он вопросительно посмотрел на Сунь Ци.

— Эм, знакомьтесь. Это моя невеста, — не без гордости объявил Сунь Ци. Он привел её специально, чтобы сообщить другу о помолвке.

Сюй Сяосяо со смехом легонько пихнула его локтем, и её щеки залил румянец.

— Поздравляю, — коротко отозвался Дуань Чжо.

Приняв поздравления, девушка с улыбкой поинтересовалась:

— А Брат Дуань еще не нашел себе никого?

— Даже не думал об этом.

— Тебе ведь уже двадцать четыре? — рассмеялась Сюй Сяосяо. — Пожалуй, самое время задуматься.

— Наш старший брат ведет жизнь праведника, — вставил Сунь Ци. — Боюсь, Цзи Мянью успеет жениться раньше, чем Дуань Чжо найдет себе пару.

Оказавшись внезапно втянутым в разговор о делах сердечных, Цзи Мянью немного растерлся и невольно посмотрел на Дуань Чжо. На мгновение их взгляды встретились, но наставник тут же отвел глаза. Цзи Мянью уже собирался что-то сказать, чтобы разрядить обстановку, но заметил, что Сюй Сяосяо не отрываясь смотрит на его ноги.

— Сестра Сяосяо? — недоуменно позвал он. От такого пристального взгляда ему стало не по себе.

— Ноги у тебя... любой девчонке на зависть, — выдохнула гостья, разглядывая его стройные, прямые и удивительно белые ноги. В её глазах читалось искреннее восхищение. — Поделишься

одной?

Цзи Мянью улыбнулся:

— Ну нет, они совсем другие. У меня мышцы есть, девушке такие не пойдут.

«Мышцы?»

Дуань Чжо издал негромкий смешок и опустил взгляд на ноги юноши. Справедливости ради, мышцы там и впрямь были. Совсем немного — лишь над сухожилиями голени прорисовывались плавные, четкие линии, видимо, результат ежедневных пробежек в школе. На фоне женских ножек рельеф Цзи Мянью казался выраженным, но для мужчины это была лишь легкая атлетичность, не более.

— Идите наверх, — Дуань Чжо протянул Сунь Ци ключи от комнаты на втором этаже. — Я закончу и приду.

— Ладно, брат, давай скорее! — отозвался Сунь Ци.

— Ты тоже иди, — бросил Дуань Чжо Цзи Мянью.

— Угу.

Юноша пошел было следом за парой, но у самого входа заметил свой рюкзак, лежащий на шезлонге, и замер. Ему очень хотелось показать Дуань Чжо новый табель. Из-за этого замешательства он отстал от друзей и решил не подниматься. Достав ведомость, он прижал её к груди и сел на край кресла.

Прошло немного времени, и, чувствуя себя глупо, просто сидя истуканом, Цзи Мянью отодвинул рюкзак и прилег. Шезлонг был длинным; юноша постарался спрятать голову и плечи в тени карниза, но ноги остались лежать под прямыми лучами солнца. Он всегда переносил жару легче других, поэтому даже в такой зной не чувствовал дискомфорта.

Спустя пятнадцать минут, когда Дуань Чжо вышел из мастерской, его взору предстали две ослепительно белые ноги, ярко сиявшие на солнце. Сам Цзи Мянью, бережно прижимая к груди листок с оценками, крепко спал, мерно и глубоко дыша.

Этот шезлонг принадлежал Дуань Чжо, и, кроме Цзи Мянью, никто в здравом уме не рискнул бы на него присесть. Хозяин редко проявлял агрессию, но одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять: чужим к его вещам прикасаться не стоит. Лишь Сунь Ци однажды попытался устроиться в нем после работы — тогда Дуань Чжо без лишних слов просто вышвырнул его из кресла. С тех пор тот обходил шезлонг за версту.

Дуань Чжо замер на месте, засунув руку в карман. Глядя на безмятежное лицо спящего юноши, он невольно усмехнулся. В голове мелькнула озорная мысль: щелкнуть ли его пальцами по носу или просто громко окликнуть?

Пока он раздумывал, в воздухе поплыл запах табачного дыма. Спящий Цзи Мяннь смешно сморщил нос и, не открывая глаз, перевернулся на бок, поворачиваясь к наставнику спиной. Всем своим видом он выражал крайнее недовольство запахом сигарет.

Лицо Дуань Чжо мгновенно посуровело.

«Вот же паршивец, даже во сне умудряется бесить»

Цзи Мяннь тем временем поудобнее подтянул правую ногу. Тонкая ткань шорт скользнула по бедру, открывая кожу почти до самого паха. Часть ноги ярко сияла на солнце, словно алебастровая пластина, в то время как другая скрывалась в глубокой тени, будоража воображение. Сквозь холодную бледность кожи просвечивали тонкие голубоватые вены, делая его конечности похожими на драгоценный и хрупкий фарфор. Дуань Чжо помнил, какой нежной была кожа на лице юноши — стоило лишь немного сжать её, как оставались следы... Если бы он сейчас крепче обхватил это бедро пальцами, на нем наверняка проступили бы отчетливые розовые отпечатки.

Дыхание Дуань Чжо вдруг сбилось. Забыв, что во рту у него сигарета, он невольно затянулся слишком глубоко. Горький дым обжег горло, и мужчина согнулся в приступе яростного кашля.

Юноша на шезлонге испуганно вздрогнул. Его тело мгновенно выпрямилось. Проснувшись и увидев над собой заходящегося в кашле наставника, он сонно и хрипло позвал:

— Брат?

Дуань Чжо закашлялся еще сильнее. Не раздумывая, Цзи Мяннь вскочил, чтобы помочь. В суматохе он забыл о табеле: легкий листок скользнул с его груди и упал прямо к ногам старшего.

— Брат! Плюнь ты эту сигарету!

Не дожидаясь ответа, он сам выхватил окурочек и отбросил его прочь. Одной рукой он вцепился в запястье Дуань Чжо, а другой принялся отчаянно хлопать его по спине. Поскольку Цзи Мяннь был на полголовы ниже, со стороны это выглядело так, будто он изо всех сил пытается обнять наставника.

Впервые они оказались так близко — тела их почти соприкасались. Но стоило юноше сделать пару хлопков, как Дуань Чжо с силой оттолкнул его.

Обернувшись к стене и опираясь на неё одной рукой, мужчина еще пару раз кашлянул и наконец пришел в себя.

— Брат? Ты как, в порядке? — осторожно спросил Цзи Мянью.

— ...Да, — бросил Дуань Чжо, так и не оборачиваясь.

Внезапно у ног юноши вспыхнул яркий огонек.

— А-а! — вскрикнул Цзи Мянью.

Дуань Чжо мгновенно обернулся. Недокуренная сигарета, которую Цзи Мянью в спешке отбросил, приземлилась точно на табель. Тонкая бумага, хранившая в себе плоды годовых трудов, ярко пылала. Пламя мгновенно слизывало все строчки и цифры.

— В этот раз я был двести семьдесят девятым... — в голосе Цзи Мянью послышалось горькое сожаление. — Я так продвинулся.

Он так старался, так хотел показать Дуань Чжо свои успехи...

Наставник уже окончательно успокоился, и в его голос вернулась привычная насмешливость:

— За полгода перемахнул через две сотни мест?

Было очевидно: он не верит.

Цзи Мянью не рассердился, но заметно сник.

— Я так и знал... Раз бумажка сгорела, ты мне неверишь. В следующем году я обязательно привезу результаты пробных экзаменов.

Он говорил это с предельной серьезностью, но в голове Дуань Чжо всё еще царил хаос — его боковое зрение упрямо фиксировало очертания тех самых белых ног. Спустя мгновение послышалось сухое:

— Угу.

Табель сгорел, а вместе с ним исчез и повод убеждать Цзи Мянью бросить школу. Та фраза, которую Дуань Чжо готовил еще с прошлого года, так и осталась несказанной.

<http://bllate.org/book/15358/1417625>